

К ВОПРОСУ О СПАРЕННЫХ ГЛАГОЛАХ В УДМУРТСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

О спаренных глаголах существует большая литература, особенно по тюркским языкам. Есть она и по финно-угорским языкам (см. об этом: Кельмаков 1975д: 90). Но в большинстве этих работ сделан большой акцент на выявление списка глаголов-модификаторов, описание нюансов значений спаренных глаголов, образованных с помощью данных модификаторов. И меньший акцент сделан на общетеоретических вопросах: на выделении признаков спаренных глаголов, отличающих их от свободных сочетаний глагола с деепричастием (а именно: в какой мере сохраняется реальное значение модификатора, могут ли компоненты спаренных глаголов располагаться дистантно, в обратном порядке, иметь зависимые слова и т. д.), на положении спаренных глаголов в предложении, на взаимоотношении компонентов и т. д. В результате этого спаренные глаголы с наиболее «яркими», типичными, широко распространенными модификаторами (типа *вераса куштыны*, *кырзаса лэзьыны*, *усьыса кошкыны*) нашли отражение почти во всех исследованиях о спаренных глаголах, а другие, с менее распространенными модификаторами (типа *кутыса возыны*, *учкыса келяны*, *кожыса ортыны*) часто остаются за рамками разбора, удастаясь лишь названия без объяснений и примеров. В данной небольшой статье мы не станем решать общетеоретические вопросы, но за объект исследования примем те спаренные глаголы, модификаторы которых или не всеми лингвистами признаются, или имеют не отмеченные другими особенностями.

В имеющихся работах сопоставительного характера удмуртские спаренные глаголы представлены как абсолютная копия татарских (см.: Серебренников 1960б: 265—266; Чхаидзе 1967: 247—259; Исанбаев 1978: 59—90; Тараканов 1985: 224—226). Думается, что подобная точка зрения вызвана недостаточно глубоким изучением удмуртских спаренных гла-

голов. Анализ удмуртских текстов различного характера и различных авторов показывает, что удмуртские спаренные глаголы есть развивающееся и интересное явление само по себе, а не только в сравнении с татарскими.

Весьма распространенными модификаторами спаренных глаголов в удмуртском языке являются глаголы **вуыны** и **вуттыны**. На первый взгляд, они относятся к тем модификаторам, существование которых не подвергается сомнению никем, однако требуют отдельного рассмотрения. Интересно, что разные лингвисты дают этим глаголам разные переводы: «приходить» (Серебренников 1960б: 265), «прийти» (Чхаидзе 1967: 251), «успеть, поспеть, созреть» (Кельмаков 1975д: 98), «успеть» (Перевощиков 1959: 243), «успеть» (ГСУЯ 1970: 137), «достичь» (Тараканов 1985: 224). **Вуттыны** с переводом «успеть» (Кельмаков 1975д: 98), «доводить» (Тараканов 1985: 224) рассматриваются В. К. Кельмаковым и И. В. Таракановым как форма для переходных глаголов модификатора **вуыны**. В действительности в удмуртском языке эти модификаторы выступают в трех значениях: 1) «успеть», 2) «прибыть, прийти», 3) «завершить». В первом значении, «успеть», глаголы **вуыны** и **вуттыны** функционируют как совершенно аналогичные формы, способные сочетаться как с переходными, так и с непереходными глаголами, а также взаимозаменяться. Для обеих форм характерно более широкое употребление в отрицательной разновидности, чем в положительной: «Мискинъ сиротае, — лулске анай. — Улонэз валаса но ѓд вуы на, нош кӧня куректон усем ни тон вылэ!» (Удмурт кыл) «Бедная моя сиротинушка, — вздыхает мать. — Не успела узнать жизнь, а сколько горя свалилось на тебя»; Нош та сюлмаськон туал а вакытозь мур выжыоссэ лэзьыса ѓз вутты («Советской Удмуртия») «Но эти заботы до нынешнего времени еще не успели глубоко пустить корни». Во втором значении также употребляются обе формы, но **вуыны** с непереходными глаголами, а **вуттыны** «довести» — с переходными: Тани огпол шырчик лобзыса вуиз уморто доры, ымаз мар ке вань: нымыр, дыр (Удмурт кыл) «Вот однажды прилетел скворец к скворечнику, в клюве что-то есть: наверно, червяк»; Вазь ёкна вуоз гидэ, кырзаса-кырзаса сояз яке таяз висъетэ пыралоз, гужем ке, тусьёсы жалем вож клеверез саникен лӧбак жутыса вуттоз, нош толалтэ — куроез (Н. Самсонов) «Придет рано утром в конюшню, напевая, зайдет за ту или другую перегородку, легко подняв, вилами доставит в корыта сочный зеленый клевер, если лето, солому — если зима». В третьем значении выпадает только **вуттыны** «завершить, довершить», сочетающийся

ся с депричастиями от переходных глаголов. К спаренным глаголам именно с модификатором в данном значении прибегают в РУС для перевода следующих глаголов: доварить «пöзтыса вуттыны», дожарить «пыжыса вуттыны», достроить «лэсьтыса вуттыны», обделать «лэсьтыса вуттыны».

В зависимости от разных переводов удмуртского **вуыны** на русский язык разные лингвисты дают ему разные татарские соответствия: **килу** «приходить» (Серебренников 1960б: 265; Чхайдзе 1967: 251), **житу** «достигать» (Тараканов 1985: 224). Действительно, **вуыны** в значении «прибыть, прийти» во многих случаях совпадает со значением татарского модификатора **килу**, но удм. **вуыны** более широкое понятие, оно означает «приходить (и туда, и сюда)», а тат. **килу** — «приходить (в одну сторону)», поэтому эти модификаторы не всегда соответствуют друг другу. Кроме того, татарскому **килу** есть точное соответствие в удмуртском — **лыктыны**, хотя в этом случае татарский глагол шире удмуртского. Татарские варианты **житу** «достигать» и **житкеру**, предложенные И. В. Таракановым, включают в себя значение удмуртского **вуыны** в значении «прибыть, прийти» и частично — в значении «успеть» в смысле «доведения действия до какого-либо состояния» (Ганиев 1963: 145). Однако, в удмуртском модификаторе присутствует значение «успеть», которого нет в татарских **житу** и **житкеру**, так как значение «успеть» содержит в себе другой глагол — **Өлгеру**, который, по мнению татарских лингвистов, не является модификатором спаренных глаголов. Ср. татарские спаренные глаголы с модификатором **житу**: Барбара чаңгычылар бер тауга килеп **життелэр** (Эпсэлэмов) «Немного пройдя, лыжники подошли к одной горе»; «Нигэ мин тик ятам? Пакет тапшырылмаган бит эле. Немецлар **куып житсэлэр...**» — дип уйлады ул (Эпсэлэмов) «Зачем я так лежу? Ведь пакет еще не вручен. Если немцы догонят...» — подумал он.

Дальше рассмотрим модификаторы **кельтыны** (**келляны**) — **кылыны** — **келяны**. **Кельтыны** «оставить», «покинуть» и **келляны** «оставлять» являются вариантами по кратности, оба сочетаются с депричастиями от переходных глаголов (но мы даем обе формы, потому что не у каждого модификатора его вариант по кратности способен также образовывать спаренные глаголы). Спаренные глаголы с модификатором **кельтыны** (**келляны**) выражают активное завершённое действие, от которого субъект действия отделен или временем, или расстоянием: «Атай мыным зэм **вераса кельтэм**», — шуэ, пе, табере (Удмурт кыл) «Отец мне правду сказал», — говорит теперь»; Со йыромем но, кыче ке тодмотэм кышномурт нылашмес вокза-

лозь ик келяса кельтэм («Дась лу!») «Она заблудилась, и какая-то женщина незнакомая проводила девочку до самого вокзала». Келляны встречается намного реже: ...вина пöзътэм понна суд чурыт вал соку, шедътэмзэ выжытэм киськаса келлязы (С. Самсонов)» ...за самогоноварение суд был жестким в ту пору, то, что находили, выливали полностью».

Модификатор кылыны «остаться» образует спаренные глаголы, выражающие действие как процесс без выраженного начала и конца (нылы избыса кылиз) или указывающие на факт совершенности действия и одновременно на связь этого действия с заданным моментом, на его результат (изые усыса кылиз). К тому же, у спаренных глаголов с названным модификатором ощущается дополнительный оттенок отчужденности, отстраненности, взгляд наблюдателя со стороны на действие, производимое субъектом: Педорлэн кышноез но пинальёсыз бёрдыса кылизы (Дядюков) «Жена и дети Педора плакали». Олёк изызэ йыраз жогак поныз но Соняз кошкыны дыртытыз... Нош Даньвыр кенак, ой но кунояты ук шуыса, куректыса кылиз (Волков) «Олёк быстро надел на голову шапку и поторопил Соню... А тетя Даньвыр горевала, что даже не угостила».

Модификатор келяны «проводить, отправить» в качестве модификатора не отмечается никем. Он образует спаренные глаголы, которые выражают действие, начавшееся или совершившееся в прошлом и имеющее продолжение до момента речи или до момента, о котором ведется повествование: Иван шöдылытэк кöлыку, солэсь таказэ воштэм, огшоры така сётыса келям (Уйлллям-выйлллям) «Когда Иван крепко спал, заменил его барана, отдал простого»; Озы купец нуналэз кузёмытэм. Лöпшо Педунылы дас пуд пызь сётэм, зол куноятыса келям (Уйлллям-выйлллям) «Так купец удлинил день. Лопшо Педуню отдал десять пудов муки, хорошо угостил».

Итак, спаренные глаголы с модификатором кельтыны — кылыны — келяны объединяет общая черта: связь с настоящим временем, результатом действия, взгляд на это действие со стороны лица, отдаленного от него временем или пространством, субъекта — с модификатором кельтыны, наблюдателя — с модификатором кылыны, объекта — с модификатором келяны. Поэтому одно и то же деепричастие, сочетаясь с тремя названными модификаторами, означает совершенно различные ситуации: тышкаськыса кельтыз «отругал (кого-то перед тем, как уйти самому)», тышкаськыса кылиз «ругал (кого-то, когда наблюдатель удалялся)», тышкаськыса келяз «отругал (кого-то перед тем, как тот ушел или когда тот уходил)». (Разумеет-

ся, что это не единственные ситуации для данных спаренных глаголов).

В татарском языке исследователи единодушно выделяют только один модификатор — **калу** «оставаться», который соответствует одному удмуртскому — **кылыны**. Правда, И. В. Тараканов приводит татарское соответствие **калдыру** и для удм. **кельтыны**, но ни авторы «Татарско-русского словаря», ни исследователи другие, занимающиеся татарскими спаренными глаголами, не называют в числе модификаторов этот глагол, который является просто буквальным переводом удм. **кельтыны**. Татарские спаренные глаголы с модификатором **калу** имеют значение, сходное с удм. **кылыны**: Бүрәге юк иде — ул кайдадыр ботакларга элэгәп *төшеп калган*, ахрысы (Эпсәләмов) «Шапки у него не было — она, должно быть, где-то выпала, зацепившись за куст». Но татарские спаренные глаголы с модификатором **калу** имеют и отличные от удмуртских значения — значения действия, целиком охватывающее субъект или внезапное совершение действия: Моны ишеткәч, хан шактый *аптырап калган...* (Еники) «Услышав это, хан порядочно растерялся...»; һәм мин шуны ишетүгә, барган жиремнен капкынга элеккендей, шып *тукталып кала идем* (Еники) «И я, слыша это, как попавший в капкан, внезапно останавливался».

Мы рассмотрели лишь несколько удмуртских спаренных глаголов в сопоставлении с татарскими, однако и на таком узком материале очевидно, что удмуртские спаренные глаголы не есть слепое абсолютное копирование татарских, что для удмуртского языка спаренные глаголы довольно широко употребимы (хотя и в меньшей мере, чем в татарском), что они являются важной и развивающейся частью удмуртской глагольной системы и имеют ряд своих, присущих только удмуртскому языку, особенностей.

СОКРАЩЕНИЯ

Волков — А. В. Волков, Кунай Олөк, роман, Ижевск, 1984; **Дядюков** — И. Т. Дядюков, Быръем произведенийос, Ижевск, 1956; **РУС** — «Русско-удмуртский словарь» М., 1956; **Н. Самсонов** — Н. Самсонов, Ибэз чечег быжыныз пильылыку (Верос).— «Молот», 1981, № 4; **С. Самсонов** — С. Самсонов, Тон но мон — асьмеос (Очерк).— «Молот», 1985, № 5; «**Удмурт кыл** — Удмуртский язык для 2-го класса, Ижевск, 1977; **Уййлям-выййлям** — Уййлям-выййлям (Выжыкылъёс). Ижевск, 1983; **Еники** — Э. Еники, Курай.—Юлчы, Хикәяләр, Казан, 1979; **Эпсәләмов** — Г. Эпсәләмов, Зәңгәр иртә .— Р. С. Газизов. Татарский язык.— Казань, 1960.